

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 1 апрѣля 1882
20 марта

СОДЕРЖАНІЕ.

- 1) Гонимъ природу въ дверь, она влетитъ въ окно.
- 2) Казнь Суханова. — 3) Убіеніе Стрѣльникова. — 4) Отчаянный поступокъ Щедрина. — 5) Побѣда Цвѣткова. — 6) Новое преслѣдованіе свободы сходовъ по мысли сэра Гаркорта. — 7) Возбужденіе дѣла противъ бывшаго министра Макова. — 8) Новый министръ Деляновъ и т. сов. Катковъ. — 9) Закрытіе читальни въ с. Подбережаныхъ. — 10) Сотрудничество въ газетахъ полиціи. — 11) Пьянство, искусство и свобода, М. Драгоманова. — 12) Проектъ солидарной демонстраціи русиновъ и поляковъ въ Галиціи, М. Д. — 13) «Настоящее положеніе Россіи» (Д. Г. Щербачева, Berl. 1882), П. С. — 14) Студенческій манифестъ и замѣтка Редакціи.

ЖЕНЕВА, 1 апрѣля 1882 г.

Разводить чадъ для отуманенія общественной мысли стало какъ бы главною заботою нашихъ нынѣшнихъ правителей. Имъ мало административныхъ придиорокъ и взысканій, опутывающихъ по всей странѣ движеніе свободомыслія, мало казенныхъ и казною (изъ народныхъ денегъ, разумѣется,) оплачиваемыхъ изданій, мало добровольнаго прислужничества людей пера, тинущихся въ общественные дѣятели, держась за флады чиновничьихъ вицмундировъ и тѣмъ же путемъ взбирающихся на административныя вершины. Имъ мало закона, мало недомыслія или подлости писакъ по ремеслу. Передъ нами лежатъ помѣщаемыя ниже два письма, вышедшія изъ канцеляріи казанскаго губернатора Гейнса, того самого Гейнса, который, будучи Одесскимъ градоначальникомъ, торговалъ полицейскими мѣстами въ лавочкѣ на Морской одного петербургскаго нотаріуса, а въ антрактѣ своего полицейскаго служенія родинѣ подавалъ записки на слѣднику престола, нынѣшнему Государю, прикидываясь «самобытникомъ», на манеръ московскихъ славянофиловъ, и потомъ, подъ фирмою «опытнаго администратора», печаталъ въ Чернилевскомъ штабѣ, т. е. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Комарова, рядъ статей, изыскивавшихъ мѣры къ оживленію и поднятію духа губернскихъ правленій повсемѣстно въ Имперіи. Удостоенный за борзость пера милостиваго пріема въ передней тогдашняго вице-императора Лорисъ-Меликова, генералъ Гейнсъ, напутствуемый и наускиваемый на столичный либерализмъ славяно-

фильскимъ кружкомъ, получилъ мѣсто губернатора въ Казани, гдѣ не замедлилъ проявить, во первыхъ, свою преданность бюрократическому порядку, во вторыхъ, еще большую преданность излюбленнымъ идеямъ стоящаго теперь у власти (что не мѣшаетъ, однако, московскимъ пророкамъ выкрикивать независимость самодержавія «отъ духа партій») кружка своихъ благодѣтелей.

Въ упомянутыхъ письмахъ читатели прочтутъ, съ какимъ стараніемъ генералъ Гейнсъ заботился о томъ, чтобы столичные газеты, «занятые обсужденіемъ высшихъ политическихъ вопросовъ, скорѣе возбуждающихъ, чѣмъ удовлетворяющихъ умъ», не проникали въ предѣлы его губерніи. И чего только не пускается въ ходъ для достиженія этой цѣли! Перво на перво измышляется мѣстный органъ «Волжско-Камское Слово» подъ редакціей благонамѣреннаго профессора, за тѣмъ указывается исправникамъ «настоящій путь по вопросу (?) объ открывающей подпискѣ» на газету. Этотъ «настоящій путь» состоитъ въ слѣдующемъ: 1) предложить (мягко стелется, да жестко спятъ) волостнымъ правленіемъ, выписывающимъ теперь большія столичныя газеты, особенно въ родѣ «Порядка», замѣнять ихъ «В.—К. С-мъ» и 2) содѣйствовать всѣми зависящими способами къ распространенію «В.—К. О.» среди населенія города, землевладѣльческаго и духовенства». Вслѣдъ за этимъ письмомъ идетъ изъ губернаторской канцеляріи другое, не то — предписаніе, не то — совѣтъ, такъ какъ оно пишется «частію по порученію Его п—ва, а частію по собственнѣйшей инициативѣ» пишущаго. Его Пр-ство, желая играть въ руку своимъ благодѣтелямъ и отводить умы «вѣренной ему губерніи» отъ «обсужденія высшихъ политическихъ вопросовъ», въ то же время самъ краснѣетъ за свой поступокъ, пуще же всего боится скадала. И вотъ, его старшій подчиненный спѣшитъ предупредить младшаго, что письмо Его П-ства «отнюдь не должно никому показываться», что «усердіе нужно и въ настоящемъ дѣлѣ, но такъ, чтобы не вовлечь себя въ смѣшное или непріятное положеніе», «а то — прибавляется въ письмѣ — пожалуй, легко уго-

дите сами въ какую нибудь газету». Характерна эта боязнь чиновника имѣть же гонимаго общественнаго мнѣнія. Но что всего любопытнѣе, такъ это извиненіе старшаго подчиненнаго передъ младшимъ и его невольное насмѣшливое отношеніе къ начальству. Канцелярское письмо г-на П. Кошкина заканчивается такою, его собственноручною припискою: «знаю, что Вы, многоуважаемый N. N., надѣ многимъ улыбаетесь въ этомъ письмѣ; но вѣдь это нѣчто въ родѣ циркуляра; этимъ я извиняюсь передъ вами». Старшій чиновникъ смѣется надъ распоряженіемъ своего начальника и боится насмѣшки надъ собою со стороны младшаго; всѣ, и начальникъ и подчиненные всѣхъ ранговъ, смущаются при мысли, что ихъ продѣлки выйдутъ на чистую воду, предстанутъ на судъ общественнаго мнѣнія, какъ римскіе авгуры, смѣются надъ своею канцелярскою кабалистикою — и все таки мошенничаютъ, все таки гонятъ свѣтъ мысли и свободу слова, гонятъ изъ боязни, страшась гонимаго ими, гонятъ въ угоду призрачнаго спокойствія, призрачной тишины невѣжества и всѣми силами стараются напускать туманъ на страну не только изъ своихъ кабинетовъ, но и изъ щелей и дверей нагрязньѣйшей административной кануры.

Но народная мысль подъ вѣншиимъ давленіемъ только сильнѣе пробуждается и въ своемъ неудержимомъ стремленіи къ жизни пробивается наружу то въ формѣ конфиденціально подаваемыхъ записокъ, о чемъ свидѣтельствуетъ «Голосъ», то въ формѣ брошюръ и газетъ издаваемыхъ за границей, къ числу которыхъ принадлежитъ и помѣщаемая въ настоящемъ №-ѣ, въ критическомъ разборѣ, брошюра Щербачева «Настоящее Положеніе Россіи», то въ формѣ прокламацій, одинъ изъ образчиковъ которыхъ читатель найдетъ также въ настоящемъ №-ѣ, то въ формѣ революціонныхъ листовъ, продолжающихъ своимъ появленіемъ смущать нашихъ бдительныхъ удушителей истиннаго народнаго самосознанія, то, оставивъ, наконецъ, форму печатнаго слова, она перешла въ слово живое, въ пропаганду, въ революціонную агитацію, тѣмъ болѣе дѣятельную, чѣмъ больше стѣсненій создается для нея, въ доступныхъ закону сферахъ

а частью по собственной инициативѣ, считаю долгомъ Васъ предупредить, что письмо то отнюдь не должно Вамъ никому показываться; это непрѣмное требованіе г. Губернатора и я советую Вамъ его исполнить. Кромѣ того, полагаю, что Вы не особенно затрудняетесь распространеніемъ газеты. Постарайтесь устроить такъ, чтобы она выписывалась, по возможности, каждымъ изъ волостныхъ правленій уѣзда и чинами полиціи; для тѣхъ и другихъ она будетъ очень полезна тѣмъ уже, что въ ней будутъ помѣщаться законодательныя и другія правительственныя распоряженія, особенно имѣющія отношенія къ мѣстному краю. Для всѣхъ же, кто выписываетъ большія газеты, при замѣнѣ ихъ «В.-К. С.», получится денежное сбереженіе, такъ какъ петерб. газеты стоятъ, по меньшей мѣрѣ, 15—17 р., а «В.-К. С.», которое будетъ давать тотъ же матеріалъ, стоитъ всего 10 р. Сверхъ того, будетъ выигранъ во времени, потому что читатели «В.-К. С.» будутъ получать извѣстія о политическихъ и другихъ событіяхъ гораздо скорѣе (на 3—6 дней), чѣмъ читатели другихъ, именно столичныхъ газетъ: пока послѣднія дойдутъ до Казанской губерніи, извѣстія, передачныя по телеграфу, будутъ уже напечатаны въ «В.-К. С.» Телеграфный же отдѣлъ въ немъ особенно будетъ разширенъ, благодаря отчасти и тому, что редакция газеты имѣетъ непосредственныя отношенія къ вновь открытому казанскому отдѣленію «Рус. Телегр. Агентства»; контора послѣдняго даже помѣщается въ мѣстѣ съ конторой редакціи. Надо сдѣлать такъ, чтобы «В.-К. С.» выписывалось бы гг. землевладѣльцами, ихъ управляющими, торгующими классомъ, равно и во всѣхъ гостиницы, рестораны, трактиры и другія подобныя заведенія, гдѣ происходятъ скопленія посѣтителей. Тѣмъ подписчикамъ, которые сами затрудняются выпискою, Вы составите подписной листъ и отправите по адресу редакціи «В.-К. С.» (Казань, Воскрес. ул., д. Бабкиной). Примите въ соображеніе и обратите вниманіе подписчиковъ на то, что за декабрь мѣсяцъ они получаютъ газету въ видѣ преміи, бесплатно. Имѣйте въ виду, что въ подписномъ листѣ были бы точно и подробно обозначены адреса подписчиковъ, особенно тѣхъ, которымъ корреспонденція пересылается черезъ земскую почту. О результатахъ подписки Вамъ нужно будетъ неофициальнымъ письмомъ извѣстить Его Пр-ство. Но имѣйте въ виду, чтобы подписка была отнюдь не принудительная, а то, пожалуй, легко угодите сами въ какую нибудь газету. Нужно усердіе и въ настоящемъ дѣлѣ, но такъ, чтобы не вовлечь себя въ смѣшное или непріятное положеніе. Независимо изложеннаго, моя покорнѣйшая просьба къ Вамъ: не можете ли готчасъ, по полученіи этого письма, написать мнѣ обо всемъ, происшедшемъ въ Вашемъ уѣздѣ и городѣ. Пишите обо всемъ: о положеніи населенія крестьянъ, о разныхъ выдающихся происшествияхъ, скандалахъ и скандальчикахъ во всѣхъ сферахъ, напр., въ судѣ, у мировыхъ, въ земствѣ, въ городскомъ общественномъ управленіи и проч. Есть ли какихъ выдающихся дѣйствій тѣхъ и другихъ учреждений, объ инородцахъ, раскольникахъ и объ отнавшихся, о бытѣ и обычаяхъ ихъ, о промыслахъ, заводахъ, фабрикахъ, о томъ, какъ отзываются новыя законоположенія, о погодѣ, объ урожаѣ, о цѣности продуктовъ, о лѣсахъ... земельныхъ отношеніяхъ. Изъ всѣхъ Вашихъ подобныхъ сообщеній я буду печатать статьи, въ газетѣ «В.-К. С.», въ видѣ корреспонденцій изъ Вашего города или села. Надѣюсь, что Вы мнѣ не откажете въ этомъ личномъ одолженіи. Пользуясь случаемъ покорнѣйше прошу вѣрить истинной преданности и почтенію.

П. Кошкинъ.

Р. С. Хорошо, еслибъ получить отъ Васъ первую корреспонденцію къ 1-му декабря.—Собственноручная приписка Кошкина: «знаю, что Вы, многоуважаемый Н. Н., надъ многимъ улыбаются въ этомъ письмѣ; но вѣдь это нѣчто въ родѣ циркуляра; этимъ я извиняюсь передъ Вами. На праздники, кажется, Его Пр-ство отправится въ Петербургъ. Весьма признателенъ Вамъ за распродажу книжки. *) Передайте мою благодарность Х.**) и поклонъ.»

ПЬЯНСТВО, ИСКУССТВО И СВОБОДА.

Недавно одна московская газета, мнѣнія которой представляютъ перемежающуюся лихорадку здравомысленныхъ замѣчаній съ совершенно дикими замоскворѣцкими мудрствованіями,—выразилась, по поводу правительственныхъ домысловъ въ теченіе перваго года правленія Александра III, что будто въ этомъ году сдѣлано достаточно, чтобы прославить цѣлое царствованіе, и указала между прочимъ на разработку правительствомъ и свѣдущими людьми вопроса о пьянствѣ,—вопроса «столько же экономическаго, сколько и нравственнаго».

Мало-мальски критически настроенные читатели даже русскихъ газетъ знаютъ, какъ относиться къ серьезности поднія правительствомъ и разработки свѣдущими людьми вопроса о пьянствѣ. Статистическія изслѣдованія земствъ московскаго и др. показываютъ, что собственно п ѣ я н с т в о (пропой) играетъ весьма слабую роль въ раззореніи, какое замѣтно въ селахъ Россіи. Такъ, по наблюденіямъ г. Орлова, въ 25 волостяхъ 5 уѣздовъ Московской губерніи изъ 4.025 крестьянскихъ дворовъ, окончательно раззорившихся, 71% раззорились по причинамъ экономическимъ, и только 9% черезъ пьянство; въ Нижнедѣвницкомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, раззорилось всего 20% крестьянскаго населенія, — изъ нихъ 72% по причинамъ экономическимъ и только 7% черезъ пьянство ***). Очевидно, что правительство показало бы намѣреніе облегчить крестьянъ съ экономической стороны въ иштейномъ,—а не пьянственномъ,—вопросѣ только тогда, когда оно займется бы намѣреніе уменьшить акцизъ съ водки, выпиваемой крестьянствомъ вообще, а не ограничилось однимъ только вопросомъ о пьянцахъ, который самъ по себѣ не важенъ.

Пьянственный вопросъ важенъ и со стороны нравственной тоже не въ томъ смыслѣ, какъ онъ поставленъ въ Россіи и офиціозами, т. е. не съ той стороны, чтобы въ Россіи было очень много пьяницъ, а съ той, что простому человѣку въ Россіи теперь нѣтъ никакого препровожденія времени послѣ трудовъ, кромѣ кабака и пьянства, къ которому должны прибѣгать и не-пьяницы. Между тѣмъ этотъ то вопросъ всего менѣе и разрабатывается печатью въ Россіи по весьма понятной причинѣ: потому что и

*) Адресъ-Календаръ Казанской губерніи, сост. Кошкинъ.

**) Становой приставъ.

***) Кстати,—не мѣшало бы принять эти цифры къ свѣдѣнію галлчанамъ, которые тоже бьются тревогу о «пьянствѣ и лѣниивствѣ» мужиковъ, какъ о причинахъ ихъ раззоренія, и произвели изслѣдованія хоть въ нѣсколькихъ селахъ.

этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о политическомъ и нравственномъ рабствѣ, въ которомъ государственные и церковные порядки Россіи держатъ тамошнія населенія.

Къ этому вопросу подошелъ было довольно близко одинъ изъ «свѣдущихъ людей», г. Евг. Марковъ, напечатавшій въ «Порядекъ» двѣ статьи «Народное искусство. По поводу народного пьянства» (№№ 316—317, 1881 г.). Въ этихъ статьяхъ онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что пьянство можетъ быть вытѣсняемо искусствомъ. Но дальше, вмѣсто того, чтобы указать, что искусство, какъ и всѣ прочія проявленія нравственной дѣятельности, требуетъ для своего развитія свободы, и указать, какія же причины препятствовали и препятствуютъ развитію въ Россіи искусства, а особенно его популяризаціи, г. Марковъ поднялся въ туманъ московской фразеологии объ оторванности культурныхъ слоевъ Россіи отъ народа со времени Петра Великаго, при чемъ не обошлось безъ восхваленія «цѣльныхъ» временъ до-петровской Москвитины,—которая, какъ долженъ бы знать г. Марковъ, своимъ грубѣйшимъ пьянствомъ во всѣхъ слояхъ общества, отъ великихъ царскихъ пословъ и бояръ до простаго народа, поражала иностранцевъ (см. напр. Олсари). На разсужденіи г. Маркова о допетровской цѣльности и проч. отвѣтилъ довольно обстоятельно г. А. В.—нѣ въ «Вѣстникѣ Европы» (1882, №№ 2—3) и показалъ, что упадокъ народнаго искусства въ Москвитинѣ произошелъ еще до Петра Великаго подъ вліяніемъ невниманія и презрѣнія церковно-образованныхъ людей, и что, по крайней мѣрѣ, въ послѣ-петровское время сюда принесены были европейскія попятія объ искусствѣ, подъ вліяніемъ которыхъ образованные люди стали изучать остатки народнаго искусства, послѣ чего начались и попытки развивать его. Къ сожалѣнію г. А. В.—нѣ не остановился на политической сторонѣ вопроса ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ,—(въ чемъ, можетъ быть, и не его вина) а, кромѣ того, сдѣлалъ, по обычаю большей части русскихъ писателей, и прямую, если не ошибку, такъ опущеніе, обобщивши всю Россію съ Московскимъ государствомъ и оставивъ безъ вниманія судьбу искусства у западно-русскихъ племенъ,—бѣлоруссовъ и украинцевъ. А! между тѣмъ здѣсь еще нагляднѣе можно видѣть зависимость развитія искусства отъ политическихъ условій, можно видѣть весь вредъ для развитія всѣхъ сторонъ нравственной жизни системы политической опеки, не только старо-московской, но и ново-петербургской,—такъ какъ здѣсь развитіе народнаго искусства было подкошено именно въ петербургскій періодъ и при томъ вовсе не тѣми мѣрами, на какія жалуются г. Марковъ и московскіе славянофилы, т. е. вовсе не избыткомъ пріемовъ европеизма, а давленіемъ московскаго азіатизма, въ достаточной степени присущаго и петербургскому періоду, который довѣлъ московскую опеку надъ населеніями до послѣдней степени совершенства и тѣмъ остановилъ у западно-русскихъ племенъ свободное развитіе въ общеевропейскихъ формахъ. Исторія народнаго искусства здѣсь предста-

влять одно из частных проявлений общей истины, по которому т. паз. петровская реформа, будучи здесь совсем ненужна своей культурною стороною, — так как западно-русские страны от Европы никогда не удалялись, — своею политическою стороною (т. е. завершением административной централизации) подвизивалась здесь вполне разрушительно на весь ход общественной жизни и преимущественно именно на наиболее «европейские» стороны. Это положение, — как видите, — совершенно отличное от увёрений, как московских славянофилов, так и петербургских западников, или, лучше, московских петрофилов, — приводит нас к совершенно иной, единственной новоевропейской постановке культурно-общественных вопросов и в практическом, — а именно к требованию для развития культурно-общественной жизни: свободы и устранения опеки, все равно царской, или императорской, поповской, или чиновничьей. Все это, как видите, придает культурно-общественной истории западно-русских областей, напр., Украины, общий интерес, а не только местный.

Есть данные утверждать, что даже пьянство в старинной, безакцизной, богатой винокурнями Украины, — где каждый козак и чуть не каждый мужик курил себя водку, — было меньше, чем теперь, и что потребление в ней водки имело европейский характер, т. е. народ выпивал водки больше, чем теперь, а пьянствовал меньше. По крайней мере еще в конце прошлого века в «Летописном повествовании о Малой России» инженер-генерал-майора А. Ригельмана, ошеломленного немца и человека весьма нерасположенного к малороссийским вольностям и сепаратизмам, читаем в главе, заключающей «описание пребывающих малороссийских народов и жительства, обычаев и обрядов», следующее: «для обхождения они в многом подобны европейцам. Они горячаго напитка хотя и пьют довольно, но со временем и для случая, и потому у них пьянство мало. Со всем тем трудолюбивы, домостроители и хорошие хозяева». (т. IV, 87). В соответствии этим словам, у того же Ригельмана находим указания на зачатки вкуса в украинском населении к эстетическим и умственным интересам: «Сей народ веселаго нрава, любит музыку и прочие веселости. Они почти все плясать по польски, а паче по своему черкасскому умывают. Из них весьма много музыкантов хороших бывает. Игра их более на скрипках, на скрипичном басы, на цымбалах, на гуслях, на бандурах и на лютнях, при том и на трубах. А сельские по деревням также на скрипках, на кобзях и на дудках. Они все певцы хорошие и весьма склонны к разным наукам, даже что многие и до высоких школ доходят *). Из них нередко изрядные проповедники и духовные особы бывают». Пьянство же, заметим, — при сколько нибудь нормальных общественных условиях, не располагающих людей

«пить с горя», — обратно пропорционально развитию эстетических и умственных интересов, усложняющих жизнь и ослабляющих грубость инстинктов. Это подтверждается между прочим отодвижением границы грубого опьянения в Европу вместе с ростом цивилизации с юго-запада на северо-восток, — так что, напр., итальянцы XIV—XV в. (Петрарка, Пикколомини и др.) с таким же ужасом говорят о пьянстве немцев, с каким немцы XVII в. о пьянстве в Московии, при чем и картины рисуют почти одни и те же.

В числе предметов, которые могут заинтересовать людей столько же с эстетической, сколько и с умственной стороны, до интереса почти научного, — первое место занимает, конечно, театр. Это и есть то учреждение, которое должно убить кабака. И вот именно театр и при том общедоступный, народный и начал было видимо развиваться на Украине в XVII—XVIII в., конечно, в более сложном виде в больших городах, но более простой проникал во все сельские и даже хуторские закоулки. Театр этот был связан с церковью и школою, смягчая их сухой, аскетический и схоластический характер, но в то же время и с другими более материальными проявлениями жизни, так что театральные представления, представляя в начале события церковной истории (Рождество, Воскресение Христова), дальше стали изображать события родной истории (Владимир, Богдан Хмельницкий) и местные типы (польский шляхтич, запорожец, литвин, белорус, жид, цыган). Где не было места для большого представления с живыми лицами, — там пускался в ход кукольный театр (вертеп), — или, наконец, драма сокращалась в диалог и виршу. У нас нет места здесь характеризовать содержание драм, комедий, интермедий и вирш старинной Украины, — чрезвычайно разнообразных, от строго клерикальных до относящихся к юмором к святым и самому библейскому богу, от чинопоклонных до вполне республиканских. Мы позволим себе привести здесь только несколько свидетельств в пользу мысли об общенародности драматических развлечений и диалогических поучений в старинной Украине и при том свидетельств из сочинения, которого нельзя заподозрить в украинофильских пристрастиях.

Так, в «Описании Киево-Софийского собора и Киевской епархии» митроп. Евгения, изд. 1825 г., читаем во II части: «Во время праздника Рождества Христова отборные студенты (Киево-Могилянской академии) и ученики ходили по домам со звездами, с вертепом или райком, представлявшим кулаки Рождество или Воскресение Христова, по последнему представлению предоставлены цеховым мастерам, а вместо того представлены диалог, драмы. В вакансии летних, составив из себя артели, уходили по разным губерниям и слободам по камьям... пивали по домам разные канты... представляли диалог, комедии, трагедии и пр... Пивческая и инструментальная музыка на разных, а паче духовных инструментах, по общей склонности к оной малороссийского народа, была

любимым упражнением академистов.... В три майские рекреации все ученики и учителя и сторонние любители наук выходили для забав на гору Скавыку между оврагов, при урочище, называемом Глубочица. Там все забавлялись разными непивными играми, а студенты пили канты. Учитель поэзии для таких прогулок ежегодно обязан был сочинять комедии или трагедии, а прочие учителя диалог... В философиях и богословии вместо экзаменов были годовые публичные диспуты... в промежутках пьты бывали концерты и канты с инструментальною музыкою. В давние времена все диспуты производились только на латинском языке. Но в последние для разумения и простому, в множестве стекавшемуся народу некоторые положения оспариваемы были и на русском (местном) языке. В промежутках также ученики низших классов говорили разные диалог и читали стихи. В прежние времена не только академические учителя, но и сторонние, и ученые иновѣрцы допускаемы были предлагать на разрешение свои возражения и часто диспуты происходили жаркие по нескольку часов». (стр. 215, 216, 218, 223, 224) То, что делалось в больших развѣрах в Киевѣ, в меньших происходило повсюду, где были школы, а школы тогда было втрое больше на Украине, чем теперь. В самое последнее время этнографам еще удалось записать в сельских захолустьях и иногда от неграмотных людей драматическая вирша замѣчательнаго культурно-историческаго значенія и иногда довольно высокаго литературнаго достоинства. Это обломки начавшаго было возводиться фундамента, столько же народнаго, сколько и культурнаго зданія, на манеръ тѣхъ, которыя воздвигнулись в западной Европѣ. Но этотъ фундаментъ былъ разрушенъ государственною централизациею, системою опеки, обрусеніемъ, сословностію и закрѣпощеніемъ народныхъ массъ именно въ XVIII в., т. е. тогда, когда западная Европа сдѣлала такой огромный шагъ впередъ. Что касается, напр., кievской академіи, то въ ней все вышеупомянутые обычаи, равно какъ и всеословность, были уничтожены въ правленіи митрополіею Самуиломъ Миславскаго (1783 — 1795), введеннаго впервые здѣсь «россійское краснорѣчіе». Низшія школы на Украинѣ были почти повсемѣстно закрыты, особенно со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія въ XIX в., — а съ тѣмъ вмѣстѣ подорвана и народная литература, какъ и зачатки театра. Вертепная рождественская драма съ комическими интермедіями держалась нѣкоторое время, но уже не развивалась, а заглохла подъ прямыми ударами полиціи. Последнее указаніе на такой ударъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ В. Шульгина: «Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе» (1838—1863), гдѣ разсказано, какъ паны жаловались кievскому генералъ-губернатору на то, что въ свѣточныхъ балаганахъ представляютъ сцены изъ гайдамацкихъ временъ. Это, вѣроятно, обычная въ старой вертепной драмѣ сцена запорожца съ шляхтичемъ. Въ крѣпостной въ 1861 году Украинѣ, вмѣсто театровъ и кантовъ, которые бывало

*) Замѣтимъ, что школы въ старой Украинѣ были общественныя и всеословныя. По Шафонскому, бѣдняки часто изъ всѣхъ силъ старались добиться высшаго образованія.

пѣли для развлечения почующихъ въ базарные дни на площади подольскаго рынка въ Кіевѣ семинаристы, — народу для развлечения предоставленъ былъ только всероссійскій кабакъ*).

То, что мы видѣли сейчасъ на Украинѣ, съ своеобразными варьяціями, можно усмотрѣть и въ Великороссіи. Здѣсь въ свое время источникомъ народной культуры и въ частности мѣстомъ, гдѣ сталъ развиваться театр, — былъ Новгородъ. Отсюда наивныя зачатки театральныя представленія стали расходиться по сѣверу Россіи и проникать вмѣстѣ съ новгородскою колонизаціей даже въ Сибирь. Этимъ объясняется то, на первый разъ странное обстоятельство, что и теперь сравнительно большое количество зачатковъ народного театра въ Великороссіи усматривается въ самыхъ сѣверныхъ ея полосахъ. (См. объ этомъ, напр., въ книгѣ пр. Веселовскаго: «Старинный театр въ Европѣ», 327, 299, 403, 404, 398 и др.) На этихъ новгородскихъ зачаткахъ начали было успѣшно прививаться болѣе развитыя формы театра, заходившія въ Великороссію въ XVII—XVIII в. изъ Бѣлороссіи и изъ Украины. Интересно, что театру, равно какъ и другимъ формамъ искусства, здѣсь покровительствовали духовные изъ западно-русскихъ областей, особенно изъ Украины, — начиная съ Данила Тупталека (Димитрія Ростовскаго). Мы полагаемъ дѣятельность послѣдняго по этой части болѣе или менѣе извѣстною, а потому напомнимъ о другихъ лицахъ, — какъ, напр., вятскій архіерей изъ профессоровъ кievской академіи, Горка, который, по словамъ мѣстнаго хрониста, «къ искорененію преемства суевѣрія, грубости, омерзения къ наукамъ и въкоренію истиннаго благочестія, вѣжливости и просвѣщенія такое прилагалъ стараніе, что самоперсонально ежедневно почти посѣщалъ училище, обладеживалъ учениковъ, учреждалъ для нихъ въ облегченіе скуки разныя забавы, выгоды и преимущества, выписалъ бібліотеку». (Истор. Вѣстн. 1881, Май, 59). Введеніе въ Тобольскіе школьныя театральныя представленія приписывается митрополиту Филофею Лещинскому (1702 — 1727). Въ рукоп. сибирск. лѣтописи найдено было такое свидѣтельство: (Филофей) «былъ охотникъ до театральныя представленія; славныя и богатые комедіи дѣлалъ, и когда должно на комедію зрителямъ собираться, тогда онъ, владыка, въ соборный колоколъ на сборъ благовѣстѣ производилъ, а театры были между соборною и Сергіевскою церквями къ взвозу». При преемникѣ его, тоже кievскомъ воспитанникѣ, ученики получили позволеніе давать представленія и по домамъ. Въ половинѣ XVIII в. ученики давали и перелогныя пьесы, въ родѣ Максиміліана, Оомки, Калифа на чась. Любовь къ театральнымъ представленіямъ перешла отъ учениковъ и въ другіе слои тобольскаго общества, къ мѣщанамъ, солдатамъ, разночинцамъ. Объ Иркутскомъ вертепѣ пишетъ Н. Щукинъ: «Судя по стихамъ на испорченномъ малорусскомъ языкѣ, ясно, что онъ родомъ изъ

Малороссіи... Я помню его въ концѣ прошлаго столѣтія. Первые Иркутскіе архіереи были малороссіянне. Съ ними пріѣхали пѣвчіе, служители и, вѣроятно, они первые занесли въ Иркутскъ вертепъ. Наслѣдниками ихъ были семинаристы, — а отъ нихъ вертепъ перешелъ и въ народъ. Иногда бывали и постоянные вертепы. Какой нибудь мѣщанинъ, нанявъ въ большомъ домѣ среди города квартиру, соорудилъ вертепъ, набиралъ пѣвчихъ и пускалъ зрителей по пяти и по десяти копѣекъ за входъ. Иногда послѣ вертепа разыгрывалась комедія, сколько могу припомнить, изъ малороссійскаго или польскаго быта». (Ждановъ. Къ литерат. истор. р. был. поэзіи, гл. IV, 29—31).

Такое отношеніе къ театру и искусствамъ западно-русскихъ духовныхъ находится въ полномъ противорѣчій съ отношеніемъ къ нему духовныхъ московскихъ, которые сражались съ музыкальными инструментами и даже съ живописью, отступавшею отъ мертвеннаго иконнаго стиля (Никонъ), и которые терпѣли въ Москвѣ только самый, такъ сказать, постыдный видъ духовныхъ пьесъ, занесенныхъ сюда изъ Кіева и Бѣлороссіи. Извѣстно, что отъ Петра В. до Елисаветы почти повсюду въ Великороссіи сидѣли западные архіереи, — и этимъ объясняются сейчасъ разсказанные примѣры вятскіе и сибирскіе, а также и то, что въ Духовномъ регламентѣ, редижированномъ Теофаномъ Прокоповичемъ, который самъ въ Кіевѣ сочинялъ драмы съ интермедіями, — совѣтуется семинаріямъ исполненіе «комедій и акцій». Но съ Елисаветы въ іерархіи начинаютъ получать опитъ вліяніе московскій элементъ, — и недавно историкъ театра въ Харьковѣ разсказывалъ, что и въ «XIX в. великорусскіе архіереи запрещали святить зданіе театра. Въ 1864 г. одинъ ректоръ семинаріи не позволилъ хоронить (на своемъ) кладбищѣ актрису. Нѣсколько лѣтъ назадъ духовенство не хотѣло хоронить актрису на общемъ кладбищѣ». (Южный Край 1881, № 225).

Конечно, въ XVIII в., вслѣдъ за Петербургомъ, по большимъ городамъ Россіи создались казенныя театры, въ которыхъ, напр., императрица Елисавета обязывала ходить извѣстную часть публики, посылая верховнаго за отсутствующими. Новое искусство было насаждено въ Россіи на казенный счетъ. Но, во первыхъ, не надо забывать, что, и первый новый казенный русскій театръ въ Петербургѣ обязанъ много преданіямъ стараго общественнаго театра, протискивавшимся изъ болѣе свободной Украины: и Волковы, и Дмитревскій привозятся къ театру Тупталека въ Ростовѣ. А во вторыхъ, новое казенное искусство осталось почти исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ и при томъ носитъ на себѣ и до сихъ поръ слѣды казенныхъ тисковъ, въ которыхъ оно не можетъ развиваться. Общественное искусство, особенно близкое къ простонародью, съ 1/2 XVIII в. во всей Россіи атрофируется, вмѣсто того, чтобы расти, питаясь сверху и само питалъ верхи. Атрофировалось же оно, исключительно благодаря церковной и свѣтской полицейской онекѣ и стѣсненіямъ.

Не говоря уже объ Украинѣ, — которую петербургское правительство съ к. XVIII в.

лишило національной школы, и гдѣ народный театръ совершенно не существуетъ, — даже въ Великороссіи то подобіе его, которое представляетъ теперешняя балаганная комедія, далеко ниже того украинскаго вертепа, который проникъ туда въ XVIII в. и который, при естественномъ ходѣ вещей, долженъ былъ бы припять въ себя мѣстное содержаніе и развиваться въ болѣе совершенныя формы, какъ это было во всей Европѣ. Та же мѣщанщина изъ стараго вертепа съ отголосками господскаго театра, которая играетъ иногда солдатами, — въ родѣ комедіи о «непокорномъ сынѣ Адольфѣ», — представляетъ изъ себя урода, какъ вся солдатскія цивилизація, лишенная идей высшихъ классовъ и простонароднаго содержанія. Всѣ же попытки не только развитъ старые зачатки народного театра, но и сохранить ихъ съ сколько нибудь идейнымъ характеромъ, — были несомнѣнны съ политическими и социальными условіями Россійской имперіи.

Мы видѣли, какъ полиція запрещала украинскую вертепную комедію. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ пѣсня Запорожца въ этой комедіи:

Да не буде лучше, да не буде краше,
Какъ у насъ на Вкраїні, —
Що не маје жиди, не ма папа,
Не буде ї до віку!

не пасмѣшка надъ Украинною XIX ст.? Развѣ замѣчаніе Москаля (солдата): «хотя я отечеству суть защита, да сишна въ мене пазита» — не протестъ противъ начальства? Совершенно послѣдовательно начальство должно было не потерпѣть ни подобныхъ оригиналовъ, ни великорусскихъ ихъ подражаній, напр., въ Торопцѣ, псковской губерніи, въ которомъ запрещенъ былъ солдатскій театръ, «гдѣ камедь живую спущали, надъ господами смѣяться стали» (Веселовскій, 407).

Наступило, наконецъ, время, когда среди господскихъ слоевъ населенія Россіи явились люди, почувствовавшіе обязанность подѣлиться съ простонародьемъ достояніемъ, накопленнымъ для нихъ новою культурою. Въ Украинѣ эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовали необходимость и возвратиться къ національности, при которой остались только мужикія массы. Явились новыя, уже рефлексивныя, попытки созданія народного театра. Но и онѣ встрѣтили сопротивленіе сознательное и рутинное въ полицейско-монашескихъ учрежденіяхъ и характерѣ русскаго государства. Изъ множества примѣровъ того, какъ и чѣмъ разбивались эти попытки, мы разскажемъ только два случая изъ нашей области. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ въ г. Полтавѣ существовалъ кружокъ, преимущественно изъ мѣстныхъ педагоговъ, — между которыми губернаторъ насчиталъ семь «демагоговъ», на которыхъ жаловался и учебному начальству, и жандармскому, и, наконецъ, самому царю. Вотъ эти то демагоги, основали между прочимъ женскую гимназію, воскресныя и субботнія школы, публичныя лекціи для народа*). Они же задумали основать и на-

*) Мы могли бы представить въ такомъ же родѣ и лнцію упадка на Украинѣ живописи, — весьма развитой въ XVII в., по показаніямъ иностранныхъ путешественниковъ.

*) Гораздо раньше петербургскаго (треповскаго) Соляного Городка. Кстати будетъ сказать, что нѣкоторые сюжеты изъ этихъ лекцій получили потомъ литературную обработку въ брошюрахъ г. А. Иванова: «Разсказы о землѣ и небѣ»,

родный театр. Для начала они выбрали несколько украинских пьес, а из русских «Ревизора» да и поставили их на обыкновенной господской сцене, только места за вход назначили: кресло 1 ряда 30 коп., и т. д., галерея 3 коп. Говорь пошел по городу и среди простого народа, — но губернатор уничтожил все затеи «демагогов», возстановив только на афиш, которая обязательно ему представлялась, — господские цены: кресла 1 ряда — 3 рубля и т. д. В 1862 г., во время реакционного взрыва после петербургских пожаров, — полтавские демагоги были разосланы в места, не столь отдаленные. Другой случай мы недавно читали в одной южной газете: молодые учащиеся люди, на рождественских вакациях, вздумали устроить спектакль в селѣ. Предусмотрительно они выбрали только великорусские пьесы и даже склонили к присутствию местного урядника и другого полицейского чина. Но после спектакля чины сами переполошились и возбудили дело о не позволенной типографии у молодых людей, чему поводом послужило оттискивание афиш прессы или ректорграфом! Чем кончилось дело, мы еще не читали.

Между тем, во многим известиям, «народ» очень охотно встречает попытки доступного ему театра и при первой возможности (т. е. при некотором невнимании начальства) старается внести в него реальное жизненное содержание. В соседней с Россией Галиции масса народа находится не в лучшем, чем в России, социально-экономическом положении. Украинское население и здесь подчинено чужеродной интеллигенции, которая сознательно препятствует его развитию. Измѣнников господским интересам среди этой интеллигенции почти нет, — не то, что в России, где их так достаточно и где между ними есть люди и со средствами, и с порядочным образованием, и талантами. И все таки в Галиции, — единственно благодаря некоторой политической свободе, признаваемой австрийской конституцией, хоть и уменьшаемой для украинского народа чужеродными властями, — борьба с пьянством вызвала основание народных обществ трезвости, чтение, наконец, попытки театра, который устраивают по вечерам сами крестьяне. Несомненно, что со временем эти попытки разовьются дальше и доставят народу здоровое и разумное поучение и развлечение. И в России вместо всяких полицейских забот о «типах кабаков», — каковы заботы повлекут только новые утѣшения от урядников, — и для сферы явлений, которые затронуты одним из «свидущих людей», жгательно было бы только одно: свобода, обща политическая свобода с ее развѣтвлениями для жизни гражданской и культурной. Оставьте в покои население, — не тѣните его и не благодѣтельствуйте, — а оно само выработает себе условия и формы человеческой жизни!

М. Драгомановъ.

«Р. о земных силах» и др., — а также и то, что послѣдняя из этих брошюр, «Р. о царствѣ Бовы королевича», запрещена, потому что она возбуждает мысль о социальных вопросах, хотя и рѣшает их весьма консервативно.

ПРОЕКТЪ СОЛИДАРНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ РУСИНОВЪ И ПОЛЯКОВЪ ВЪ ГАЛИЦИИ.

Читателям нашим в России могло уже надоесть наше постоянное возвращение к вопросу о необходимости организации в Галиции солидарного действия крестьян украинских и польских для защиты их общих интересов от общих противников, польских папов и еврейских капиталистов. Но вопрос этот мы считаем не безынтересным и для России, так как разумная организация разнонациональных рабочих элементов в Галиции непременно отразится полезным образом и на соседних с Галицией Царствѣ Польском и Юго-западном краѣ. За тем, повторение вещь неизбежная в политических вопросах, особенно в среде, в которой приходится иметь дело с застарѣлыми раздѣлениями и предрассудками вообще.

Мы, впрочем, уже отмѣтили в прошлом № «Вольн. Слов.» слова «Батьківщини», из которых видно, что мысль о солидарном выступлении крестьян русинов и поляков находит себе сочувствие и среди литературных представителей уже не одних социалистов, но и так называемой народной или украинской партии в Галиции. Теперь перед нами 19 № газеты «Діло», представляющей собою болѣе отсталый кружок этой партии, и в нем мы встречаем ту же мысль, хотя, по нашему мнѣнию, не совсем удачно поставленную.

Украинофильская газета предлагает праздновать в текущем году 100-лѣтіе отмѣны в Галиции рабства универсалом императора Иосифа II от 5 апрѣля 1782 г. (нация оставалась до 1848 г.) «Актъ этотъ, говоритъ «Діло», одинаково важен и памятен и для народа польского, как и для украинского, и тутъ представляется лучший случай, наглядно показать, что наша программа не относится враждебно к другим народностям..... что украинский народъ радъ не только своей собственной свободѣ, своему благу, но и свободѣ и благу польского народа. Пора намъ познать, какой вѣсь заключается в такъ понятой программѣ нашей, пора познать, сколько силы можемъ мы себе приобрести такимъ обращеніемъ к польскому люду. (Львовская газета в приемахъ краснорѣчія слѣдуетъ ветхозавѣтному исамонѣвию и всякое почти предложение повторяетъ на разныхъ ладах, но крайней мѣрѣ, два раза.) Наши противники пробраются в украинский люду с неправдою и клеветами, а мы откликнемся в эту памятную годовщину правдою и искреннею любовью к польскому люду. Смѣло и высоко поднимемъ нашу народную хоругвь правды и справедливости народной. Замкнутость и заскорузлость была бы непростительною политической ошибкою».

В этой тирадѣ можно безусловно сочувствовать только ее основной мысли, но не самому проекту демонстрации в память универсала императора Иосифа II. Во первых, самый фактъ уничтоженія рабства крестьян безъ уничтоженія панщины не былъ очень важенъ и не оставилъ по себе глубокой памяти в народѣ. По крайней мѣрѣ, столь

чувствительная к явлениям социальной жизни своего края народная пѣсня украинская не вспоминает ни однимъ словомъ акта императора Иосифа II, хотя она очень занимается уничтоженіемъ панщины в 1848 г. Да оно и понятно, если вспомнимъ, что, по описаніямъ наблюдателей и показаніямъ крестьянъ депутатовъ вѣнскаго парламента 1848 г., актъ 1782 г. очень мало измѣнилъ сущность крепостного права. Что же касается до польскихъ крестьянъ, то все таки память императора Иосифа II с матерью его Маріей Терезіей связана с памятью о раздѣлахъ Польши. Положимъ, в свое время и еще в 1846 гг. польские крестьяне в Галиции были очень равнодушны к старому польскому государству, — но все таки прогресс образования пробудилъ и у нихъ национальное самосознание и вполне равнодушными к национальной независимости теперь польскихъ крестьянъ назвать нельзя. «Иосифинская» демонстрація имѣетъ характеръ слишкомъ династически-австрийскій и анти-польскій, а потому нельзя ни падѣяться на слишкомъ большой успѣхъ ее среди польскаго населенія, (ей будутъ изъ всѣхъ силъ противудѣйствовать все образованные поляки), ни даже рекомендовать не-польскому населенію, напр. русинамъ. Къ чему развивать в сельскомъ населеніи династическія чувства, по какому бы то ни было случаю?

Другое дело чистая демонстрація противъ рабства экономического, какъ и гражданскаго, и при этомъ демонстрація совместная населеній двухъ національностей, изъ которыхъ паны одной стремятся къ господству двойному: социально-экономическому и национальному, и потому возбуждаютъ двойную реакцію. Такія солидарныя польско-украинскія демонстраціи существенно необходимы в Галиции и будутъ имѣть огромное значеніе, какъ бы они ни были слабы в началѣ. Мы все таки держимся того мнѣнія, что самое лучшее в такомъ родѣ былъ бы митингъ и образованіе польско-украинскихъ крестьянскихъ союзовъ, которые, конечно, не замедлили бы войти в сношенія и с подобными союзами в городахъ, изъ которыхъ зародышъ одного уже существуетъ во Львовѣ, хотя и дѣйствуетъ безъ должной энергіи и мало показываетъ охоты выйти за тѣсныя предѣлы своего города, а также, видимо, боится рѣшительно разорвать с узкими польскими идеями.

М. Д.

„НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССИИ“.

Г. Д. Щербачева. Berl. 1882.

В ряду произведеній русской заграничной литературы, появившихся в послѣднее время в Германіи, брошюра, названная в заголовкѣ настоящей заголовкѣ, представляетъ сравнительно выдающееся явленіе. Авторъ гораздо рѣзче своихъ предшественниковъ обвиняетъ само русское правительство в созданіи существующаго порядка вещей, и хотя говоритъ все вещи извѣстныя и, такъ сказать, носящіяся въ воздухѣ, но хорошо уже и то, что говоритъ, а не молчитъ, какъ множество другихъ. Жаль только, что, по